

В.А. Пржигоцкий

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ СБОРНИКА Н.И. НАУМОВА «СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТ» В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ЧАЙКОВЦЕВ¹

Аннотация. Рассматривается творчество Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг., представленное его первым сборником «Сила соломѹ ломит», изданным в Петербурге кружком чайковцев. Исследуются механизмы влияния различных социальных полей (термин П. Бурдьѹ), занимаемых Наумовым, на его литературную деятельность данного периода. Выявляются поэтические и эстетические особенности произведений обозначенного сборника, обусловленные: 1) историко-литературными тенденциями; 2) идеологическим влиянием народничества; 3) собственными задачами Наумова как сибирского писателя-чиновника.

Ключевые слова: Н.И. Наумов, сборник «Сила соломѹ ломит», сибирский писатель-чиновник, народничество, социальное поле.

Сборник «Сила соломѹ ломит», вышедший в 1874 г., знаменует расцвет литературного творчества сибирского писателя-чиновника Николая Ивановича Наумова. Произведения этого сборника были изначально напечатаны в передовых демократических журналах того времени, позднее вошли в пантеон народнической беллетристики и удостоились внимания многих современников (в частности, видных деятелей сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева) и в дальнейшем – исследователей (Г.В. Плеханова, С.Е. Кожевникова, Л.Г. Беспаловой и др.) (см.: [1–3] и др.).

При этом актуальным и неизученным аспектом в исследовании творческого наследия Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг., представленного названным сборником, является осмысление взаимовлияния различных социальных полей², занимаемых писателем в

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

² Под социальным полем, согласно концепции П. Бурдьѹ, мы понимаем относительно замкнутую и автономную систему отношений между позициями агентов, ведущих борьбу за обладание специфическим капиталом. Соответственно, позиции

эти годы последовательно или параллельно, и, соответственно, его различной институциональной деятельности, находящейся в тесной связи с литературным творчеством, в частности с эстетикой и поэтикой интересующего нас сборника.

Литературная деятельность Наумова первой половины 1870-х гг. разворачивается в Петербурге, куда он возвращается, оставив государственную службу в Сибири. Работа участковым заседателем земского суда была его первой целенаправленной попыткой реализовать свое стремление служить Сибири и сибирякам на поприще государственного служащего, и она была оценена им самим как неудачная (о чем он размышляет в своих более поздних автобиографических очерках «Зажора» и «Святотатец»). Возвращаясь в 1869 г. в Петербург, где ранее под влиянием Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева началось его литературное творчество, осознаваемое во многом в духе областнических представлений о литературе и писателе, Наумов, по сути, возвращается в литературу. Несмотря на то что попытка служить своему краю на посту чиновника не принесла Наумову удовлетворения, она предоставила ему ценный материал для последующего творчества.

Рассматривая демократический полюс литературного поля 1870-х гг., в которое вошел сибирский писатель, нельзя не сказать о развитии народничества, выразителем идей которого в литературе выступила плеяда писателей-народников, чьи произведения в данный период становятся весьма популярными. Их литературная деятельность развернулась на страницах передовых демократических печатных органов, пришедших на смену «Современнику», «Русскому слову» и др. Таковыми в 1870-е гг. стали журналы «Отечественные записки» и «Дело». Значимую роль в развитии народнической беллетристики и ее распространении сыграли и революционно-демократические организации 1870-х гг., в частности, петербургская народническая группа чайковцев, занимавшаяся изданием и распространением научной, публицистической и художественной литературы, отвечающей их идеологическим запросам.

Развитие реализма и следование художественной «правде», заложенное еще писателями-демократами 1860-х гг., обусловило обращение писателей-народников к очерку – наиболее подходящему жанру

агента в различных социальных полях, объем располагаемого им капитала обуславливают его положение в общем социальном пространстве [4. С. 260–261].

для достоверного изображения пореформенной народной жизни – и превалирование в нем публицистического и даже пропагандистского начала над художественным. По выражению Г.В. Плеханова, художественное наследие писателей-народников отличало преобладание общественных интересов над литературными [1. С. 45]. При этом во всех жанрах очевидно стремление к эпизации и формированию целостной картины мира (в малых жанрах, в том числе в очерках это достигается циклизацией).

Соответственно, трансформацию претерпевают место и роль автора в повествовании: «Стремление писателей-реалистов ко все более достоверному и глубокому изображению действительности, ко все более истинному ее пониманию вело к диалектически противоречивому и в то же время единому в своей внутренней сущности процессу: с одной стороны, ко все большей «самостоятельности» героев, «независимости» их от авторов (то, что названо многоголосием, полифонией в отношении романов Достоевского), к предельной объективации картин действительности; с другой – в силу сложности, новизны изображаемых явлений жизни – к стремлению авторов публицистически «разъяснить» смысл изображаемого, заявить о своей, авторской позиции» [5. С. 566].

В то же время нельзя не замечать различия народничества как литературного течения и народничества как общественно-политического движения, о котором также говорил Г.В. Плеханов [1. С. 71]. В стремлении понять чаяния народа и определить место и роль интеллигента-разночинца в улучшении народной жизни наиболее передовые и талантливые беллетристы-народники, в частности Г.И. Успенский, приходили к неутешительному выводу, что крестьянской массе чужды призывы народнической интеллигенции к революционной борьбе. Тем не менее невозможно отрицать их связь и взаимовлияние.

Таким образом, рассматривая литературное поле 1870-х гг., можно выделить два момента. Во-первых, само литературное поле переживает новый виток борьбы за свою автономию, поскольку испытывает давление со стороны государства, которое в это время проводит цензурные контрреформы, ущемляющие права печати. Во-вторых, с развитием капитализма в России быстрыми темпами увеличивается читательская аудитория, усиливается ее расслоение и формируется издательский рынок, агенты которого – писатели и издатели – начинают ори-

ентироваться на конкретные социальные слои (см.: [6. С. 15–38]). Литературная деятельность, как и в 1860-е гг., используется для политической борьбы, а также как способ заработка. Впрочем, несмотря на то что во второй половине XIX в. фиксируется существенный рост гонорарных ставок (особенно в журналах), до конца столетия писатели с трудом могли обеспечить себя литературной деятельностью (см.: [Там же. С. 83–101]). Соответственно, беллетристы-народники, в чей круг войдет и Н.И. Наумов, находятся на подчиненном гетерономном (т.е. направленном на получение коммерческой или политической выгоды) полю литературного поля 1870-х гг. Такое положение, как отмечает Ж. Сапиро, занимает творческий авангард, пренебрегающий эстетической оценкой и рассматривающий литературу и искусство как средства политической борьбы [7. Р. 42].

В результате Н.И. Наумов, обогащенный ценным опытом институциональной деятельности, направленной на служение Сибири, а также материалом о положении сибирского крестьянства, оказался в благоприятной среде для дальнейшей самореализации. В этом ключе нельзя не отметить диалектику развития Наумова – писателя-чиновника, выразившуюся в смене его институциональной деятельности. Так, если Сибирь стала в первую очередь местом его государственной службы, то литературную деятельность Наумов сосредоточивает в Петербурге – там, где концентрируются экономический и символический капиталы литературного поля. При этом, если в начале 1860-х гг. Наумов приехал в столицу под влиянием товарищей-областников и был открыт как для восприятия передовых демократических идей, так и для литературных экспериментов, то к 1870-м гг. он уже представляет из себя вполне сформировавшуюся личность со сложившимися идейно-эстетическими представлениями. Важно подчеркнуть, что гомологичность занимаемых позиций Наумова в различных социальных полях, характеризующаяся, несмотря на сохраняющуюся идеологическую установку, принятием «правил игры», позволяет ему относительно органично переходить из одного поля в другое, решая поставленные задачи (в данном случае связанные с формированием нового читателя и расширением своей читательской аудитории, с идеей служения Сибири своим творчеством).

В первой половине 1870-х гг. в журналах «Дело» и «Отечественные записки» публикуются рассказы и очерки Н.И. Наумова «Дере-

венский торгаш» (1871), «Юровая» (1872), «Еж» (1873), «Крестьянские выборы», «Мирской учет» (1873) и «Тишь да гладь» (1873), а в журнале «Искра» – «Один из способов сближения с народом» (1872). Сотрудничество Наумова с ведущими демократическими журналами данного периода во многом обусловлено позицией в литературном поле, занятой им в 1860-е гг. (напомним, что ранее его очерк «У перевоза» был напечатан в «Современнике»). К тому же во второй половине XIX в., как отмечает А.И. Рейтблат, литературные журналы имели скорее социально-политическую направленность, нежели литературно-эстетическую, а потому консолидировали соответствующие группы писателей и читателей (см.: [6. С. 38–54]).

Опубликованные произведения Наумова быстро привлекли внимание современников. Так, высокую оценку им дал Г.Н. Потанин. В частности, он отмечает, что весомой заслугой писателя является актуализация сибирской беллетристики в рамках общелитературного процесса [8. С. 231]. В своих размышлениях Потанин указывает на периферийное положение сибирского социального пространства (и сибирской литературы) по отношению к европейскому, объясняя это, в первую очередь, отсутствием народного просвещения. Именно с Н.И. Наумовым он связывает возможность проникновения агентов сибирского культурного (литературного) пространства в европейское, а затем – создание сибирского автономного социокультурного пространства (в частности сибирской литературы и сибирского читателя). Вероятно, для Потанина фигура Наумова была привлекательна тем, что к этому времени он довольно успешно утвердился и в сибирском, и в европейском (петербургском) пространствах, являлся агентом различных социальных полей. При этом в глазах Потанина Наумов оставался в первую очередь сибиряком, сибирским писателем, чья литературная и институциональная деятельность направлена на достижение обозначенной выше цели. В связи с этим вполне закономерна его высокая оценка творчества Наумова, которого Потанин считал зачинателем сибирской беллетристики [Там же. С. 236–237] и ставил в один ряд с Г.И. Успенским, отмечая подлинный реализм в изображении крестьянской жизни – аутентичность языка и достоверность типовых образов [Там же. С. 232].

Следует отметить, что сибирское областничество в данный период переживало некоторый спад, во многом обусловленный арестом и

ссылкой ключевых его представителей в конце 1860-х гг. Главным идеологом движения в это время становится Н.М. Ядринцев, который активно занимается разработкой его программы [9. С. 75]. В связи с этим его восприятие рассматриваемых произведений Наумова также представляет немалый интерес. Информацию об этом получаем из переписки Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина: «Как вы увидите, здесь снова появился Николай Иванович (Наумов) с “Юровою”. Прочитал. К сожалению, заметил, что он туго совершенствуется в беллетристическом искусстве и блеском не поражает. Видна наблюдательность и изучение народного быта, но не глубокая» [10. С. 87].

Что характерно, Ядринцев отрицает выделенные Потаниным достоинства и, напротив, критикует рассказы Наумова за недостоверное, ненатуральное изображение крестьян, ставя их гораздо ниже произведений Н.В. Успенского, В.А. Слепцова и Ф.М. Решетникова» [Там же. С. 87–88]. При этом если Потанин сосредотачивает свое внимание на глобальных проблемах (формирование сибирской литературы как таковой) и рассматривает общественно-политическое и социокультурное значение творчества Наумова на этом фоне, то Ядринцев в первую очередь апеллирует к эстетике его произведений, не выходя за пределы имманентных свойств литературного поля. В личной переписке Потанин оппонирует своему товарищу, защищая писателя, говоря о социальной и политической роли литературы и о второстепенности эстетических качеств наумовских произведений [11. С. 124–125].

Такое различие двух, казалось бы, идейно близких деятелей в оценке своего (предполагаемого) единомышленника едва ли можно объяснить исключительно субъективными эстетическими и поэтическими предпочтениями. Возможно, не последнюю роль здесь сыграли некоторые программные расхождения Потанина и Ядринцева, имевшие место в начале 1870-х гг. Так, В.М. Шиловский отмечает, что, будучи в ссылке, Ядринцев попал под влияние трудов К. Маркса и первое время активно использовал их в развитии областничества, вступив в идеологическую конфронтацию с ее более либеральным крылом, к которому тяготел Потанин [9. С. 82–84]. Не исключено, что эти перемены (наряду с репрессиями, которых Наумову, в отличие от многих его соратников, удалось избежать, вероятно, ввиду относительной пассивности) обусловили разочарование Ядринцева в своем товарище и подчас довольно предвзятую его оценку: «Я Николая

Ивановича знал с малых ногтей. Он и юнкером питал слабость к хорошему сюртучку, а теперь он с этим сюртучком ни за что не расстанется. Есть люди, которые никогда в свою жизнь не испытали богатства и никогда его не достигнут, они не знают ни его тщеты, ни его пресыщения. Это средний люд, который постоянно топорщится и ищет барского комфорта, но сколько ни топорщатся, – барами не бывают. Прицепившись к комфорту, они страшатся больше всего бедности и неприятностей. Николай Иванович на этой дороге. Его бедность не заставляет писать, а внутренне он, кажется, разжирел и разложился» [10. С. 137].

Примечательно, что в этом случае Ядринцев обращается, говоря языком современной терминологии, к вопросу взаимодействия различных социальных полей, занимаемых Наумовым. По его мнению, государственная служба (в том числе военная) негативно повлияла на литературное творчество писателя, сформировав чуждый для сибирского писателя габитус (систему устойчивых и переносимых диспозиций, приобретенную систему порождающих схем [12]), направленный на «приспособленчество», занятие гетерономных позиций в литературном поле.

Тем не менее мы можем вполне уверенно говорить, что уже в первой половине 1870-х гг. произведения Н.И. Наумова становятся весьма популярными и востребованными. Об этом свидетельствует не только их публикация в ведущих демократических изданиях того периода, но и издание в 1874 г. в Санкт-Петербурге (в типографии К.Н. Плотникова) сборника «Сила солону ломит». Этот сборник был издан силами упомянутых чайковцев, что обозначило его пропагандистскую направленность. Социально-политическими задачами общества народников, как отмечает С.Е. Кожевников [13. С. 34], было обусловлено и содержание сборника, в который вошли наиболее «острые» произведения Наумова, созданные в 1860–1870-е гг., а именно: «У перевоза», «Последнее прости», «Деревенский торгаш», «Юровая», «Крестьянские выборы», «Мирской учет» и «Еж».

Что особенно важно, упомянутые произведения обрели широкую популярность не только среди интеллигенции, но и непосредственно в народе, о чем свидетельствуют многие современники. В частности, Г.Н. Потанин отмечает, что «по всей вероятности, все сибиряки, от гимназиста до дряхлого седого старика, прочли давно эти прекрасные

рассказы» [8. С. 232]. Во многом этому поспособствовали усилия чайковцев по распространению сборника «Сила солому ломит». Так, член этого кружка Л.Э. Шишко отмечал: «Из легальных брошюр, распространявшихся чайковцами, наибольшим успехом пользовались: 1) «Дедушка Егор», 2) рассказы Наумова, изданные кружком чайковцев под общим заглавием «Сила солому ломит» в виде довольно большого тома, но легко разбиравшегося на отдельные брошюры...» (цит. по: [13. С. 4]). Об успехе сборника, по указанию С.Е. Кожевникова, говорил деятель «Земли и воли» Р.В. Аптекман: «Крестьяне (с. Муратовка Пензенской губернии) любили слушать не только “науку”, но и чтение наших беллетристов-народников. “Сила солому ломит” Наумова особенно нравилась им. «Словно про нас написано, не сказка, а быль» – говорили они по поводу этого рассказа. Наумов обыкновенно служил поводом к самому живому обмену мыслей» (цит. по: [Там же. С. 3–4]). Из воспоминаний чайковца С.С. Синегуба узнаем, что члены этого кружка распространяли сочинения Наумова еще до издания сборника: «...тут были наумовские “Еж”, “Мирской учет” и “Юровая” – первые две в 1873 году были журнальными статьями в “Отечественных записках”, и я оттуда читал их рабочим...» [14. С. 160].

При этом Наумов, следуя занимаемой позиции, в своих произведениях избегает открытой агитации и пропаганды, что, как ни странно, могло также способствовать их популярности. Не предлагая в своих очерках какого-либо выхода из описываемой ситуации, ограничиваясь порицанием сложившихся порядков в сибирской деревне, он таким образом позволял передовым читателям делать собственные выводы, соответствующие их взглядам [1. С. 143]. Надо полагать, что Наумов занял эту позицию под влиянием непосредственного контакта с крестьянской массой в ходе государственной службы, который показал ему безразличие и даже неприятие крестьянами открытой революционной агитации и пропаганды.

Так или иначе, народники оказались весьма удачными посредниками, которые лучше всякого издателя могли довести произведения автора до адресата. Популярность произведений Наумова среди рабочих и крестьян обеспокоила 3-е отделение, которое в 1875 г. выпустило постановление об ограничении их распространения [15]. Кроме того, цензуре подвергались и отдельные произведения Наумова,

например, очерк «Юровая» был разрешен к печати в журнале «Дело» только после ряда сокращений [16. С. 133–134]. Важно подчеркнуть, что и здесь в отношениях с государственным институтом (цензурой) Наумов избегал прямой конфронтации, стараясь в первую очередь довести свои произведения до читателя.

Таким образом, произведения Наумова первой половины 1870-х гг., вошедшие в сборник «Сила соломому ломит», не только были чрезвычайно популярны среди народнической интеллигенции (что, в частности, отмечал Г.В. Плеханов [1. С. 138]), но и успешно проникали в народ, судя по всему, отвечая его запросам.

Интересно, что в сборник не вошел написанный в этот период короткий сатирический очерк «Один из способов сближения с народом». В отличие от остальных, он посвящен не изображению крестьянской эксплуатации, а сатире на идею сближения интеллигенции с народом, т.е. на одно из программных положений народничества. По мнению Н.Н. Прозорова, сатирический удар произведения направлен против буржуазно-либеральной интеллигенции, преследующей в сближении с народом свои корыстные цели [16. С. 140]. Тем не менее нечаевцы, которых вряд ли можно отнести к либеральному крылу, не включили его в издание. Впрочем, это решение может быть обусловлено не только идеологическим неприятием, но и стремлением автора соблюсти тематическое и поэтическое единство сборника.

Институциональная деятельность Наумова, его позиция писателя-чиновника своеобразно повлияли на эстетику и поэтику произведений, вошедших в рассматриваемый сборник. Прежде всего следует сказать, что «Сила соломому ломит» – первый сборник рассказов Н.И. Наумова. С одной стороны, это отличает его от «Мирных сцен военного быта», изначально созданных как цикл. Сборник же – в первую очередь издательское явление, и произведения, вошедшие в него, были отобраны чайковцами в соответствии с их идеологическими задачами. С другой стороны, факт публикации рассказов, ранее печатавшихся на страницах журналов, в составе сборника не снимает вопроса их циклизации, что, вне всякого сомнения, сближает «Силу соломому ломит» с «Мирными сценами...», демонстрируя творческую эволюцию автора.

Интерес для исследователя представляет и заглавие сборника. В копии издательского договора, сохранившегося в Научной библиотеке

теке Томского государственного университета, Наумовым было указано следующее заглавие: «Очерки крестьянского житья в Сибири» [17], что, вне всякого сомнения, перекликается с «Мирными сценами», указывая на различные стороны жизни сибирских крестьян. Как известно, первоначальное заглавие, стилистически отредактированное, стало подзаголовком сборника: «Рассказы из быта сибирских крестьян». В связи с этим можно предположить, что основное заглавие – «Сила солому ломит», вероятно, было предложено чайковцами (либо возникло при их участии), использовавшими крылатое выражение (передающее основную идею всех рассказов сборника) для привлечения читателя из народной среды (см.: [18]).

Рассматривая заглавия, нельзя не коснуться вопроса о жанре произведений, составивших сборник и отражающих жанровые поиски Н.И. Наумова в 1870-е гг. Несмотря на то что писатель в указанном выше договоре называет свои произведения очерками, в самом сборнике, изданном в 1874 г. [19], они обозначены в жанровых подзаголовках как рассказы. Не находим единства в этом вопросе и у современников Наумова: в частности, Г.Н. Потанин называет произведения сборника рассказами (см.: [8. С. 231–238]), тогда как Г.В. Плеханов – очерками (см.: [1. С. 138–159]). Интересна в этом плане и издательская история рассматриваемых произведений: в отличие от сборника 1874 г., в собрании сочинений 1897 г. (см.: [20]), а вслед за ним и 1940 г. (см.: [21]) ряд из них имеют подзаголовки – «Сцены», «Очерк», «Рассказ», «Истинное происшествие» и др. При этом довольно сложно утверждать, что эти подзаголовки точно обозначают жанровую принадлежность произведений и позволяют классифицировать их – скорее, они, в разных формулировках, призваны указывать на их правдивость, документализм.

Вместе с тем такое различие в жанровой идентификации сочинений может быть обусловлено неразработанностью жанровых дефиниций, не успевающих отражать реальные жанровые процессы в литературе. В частности, границы между малыми эпическими жанрами были крайне размыты, что и порождало различное понимание их эстетических и поэтических особенностей.

То обстоятельство, что критики и исследователи, рассматривая произведения Н.И. Наумова, в основном заостряли внимание на их публицистических, пропагандистских и иных социально направленных

ных и социально обусловленных качествах, обходя стороной собственно эстетические, художественные особенности (или не останавливаясь на них подробно), указывает на их принадлежность скорее к очеркам, нежели к рассказам. Об этом, в частности, говорит Л.Г. Беспалова, отмечая, что этот жанр «...позволял быстро схватить и показать новые явления народной жизни, обусловленные ломкой феодально-крепостнических отношений» [3. С. 6]. Таким образом, обращение Наумова к очерку отвечало как его собственным задачам, так и тенденциям развития реализма в русской прозе и представлений о художественной правде в произведениях литературы и искусства.

Однако в случае Н.И. Наумова, как нам представляется, обращение к очерковой прозе связано с заметным влиянием на литературное творчество писателя его государственной службы, причем это отражено на всех уровнях текстов. В свое время Г.В. Плеханов указывал на особый характер беллетристики Наумова, связанный, по его мнению, с абсолютным превосходством публицистического начала над художественным [1. С. 138–139]. Плеханов связывал это прежде всего с примитивной прагматической целью, которую-де ставил себе Наумов, – показать «народное горе», выраженное прежде всего в эксплуатации сибирских крестьян, рабочих и инородцев. Но чем обусловлен такой подход, если, по словам того же Плеханова, Наумов все же обладал «некоторым художественным талантом»?

С этим тесно связан вопрос о читателе наумовской беллетристики, которая была обращена не только к столичной интеллигенции, но и к народным массам. Так, если в первом случае задачей Наумова была актуализация сибирской литературы в европейском (и общерусском) культурном пространстве (а также личное утверждение в литературном поле, накопление символического и экономического капитала), то во втором случае он стремится сформировать нового читателя и его рецепцию художественного произведения. И в этом ключе чрезвычайно показательным вхождением Наумова именно в поле беллетристики.

Положение беллетристики по отношению к классической и массовой литературе, ее отличительные признаки до сих пор являются предметом исследований. Сформулированная в Новейшее время концепция беллетристики как «срединного» пласта литературы подразумевает соблюдение баланса стандартизированного (воплощает в себе массовая литература) и индивидуального (классическая) начал [23. С. 693]. При этом,

несмотря на структурную шаблонность, типизацию образов (что будет показано далее), сближающие беллетристику Наумова с массовой литературой, его произведения не низводятся до литературного «низа» – китча и развлекательного чтения. Напротив, она, следуя определению А.В. Чернова (цит. по: [22. С. 691]), «адекватно отвечает эстетическим потребностям времени».

Все это также обусловило ярко выраженный документализм произведений Наумова, направленный на создание «эффекта реальности» и непосредственно связанный с вездесущим голосом автора, пронизывающим структуру каждого очерка. Так, повествователь постоянно вводит читателя в курс дела – можно сказать, ведет его за руку. Во всех произведениях он в подробностях рассказывает о тех или иных сторонах крестьянской жизни, позволяя лучше разобраться в происходящем, причем эти описания растягиваются на несколько страниц и в произведениях могут встречаться неоднократно. С одной стороны, эти сведения полезны читателю из городской среды, который в это время активно входит в литературную жизнь и при этом не осведомлен об особенностях сельской жизни в Сибири. С другой стороны, это позволяло создать реалистичную, правдивую картину мира, знакомую и понятную самим крестьянам, имеющим невысокие эстетические запросы. «Словно про нас написано, не сказка, а быль» – это именно та эстетическая оценка, которой, судя по всему, и добивался Наумов. В этом плане важно отметить, что реакция простого, массового, демократичного читателя для писателей XIX в. представляла более высокую ценность, нежели отзывы профессиональных критиков [23].

Вместе с тем читателю не только сообщается множество конкретных деталей реальных событий, местности, быта. Автор пытается соединить в литературном произведении правду и вымысел, поднять реальный факт до уровня «художественной правды». Так, из экспозиции «Юровой» читатель узнает о существовании одноименной ярмарки, о главном местном промысле – ловле рыбы, впадающей в зимнюю спячку, и о событии, с которого начинается завязка действия в произведении [19. С. 90–95]. Переданное в таком контексте «правдивости» нарратива вымышленное событие тоже обретает статус «правды» о жизни:

Только в описываемое мною время крестьянин села Юрьево Иван Николаевич Калинин убедил своих однодеревенцев не под-

даваться на уловки скупщиков и установить свою цену на каждый род рыбы. Мы видели, какое впечатление произвело известие об этом на Петра Матвееча Вежина, главного гуртового скупщика рыбы [21. Т. 1. С. 87–88].

Что характерно, этот отрывок, по сути, излагает содержание предшествующего диалога героев. Таким образом, параллельно используя голоса персонажей и повествователя для раскрытия сюжета, автор стремится расставить для своего читателя все необходимые акценты, не вполне ясно и открыто, по его мнению, передающие его идею в диалогах и монологах героев.

В «Крестьянских выборах» повествователь также подробно знакомит читателя с тем, как избирают старшину, какими он должен обладать качествами, чтобы охранять интересы крестьян, каким образом эти интересы нарушаются [19. С. 195–200] и т.д. В «Мирском учете» читателя продолжают знакомить с избирательной системой крестьян и со спецификой работы учетчика [Там же. С. 341]. Очерк «Еж» открывается детальным описанием жизни сибирских приисковых рабочих. Рассказывая о порядке их найма и характере работы, повествователь обильно приводит числовые данные, иллюстрирующие бедственное материальное положение рабочих ввиду несправедливых расценок и тяжелых условий труда, используя это как прием достижения правды в художественном произведении [Там же. С. 380–386].

Значительна роль повествователя и в раскрытии персонажей. В очерках четко выстраивается два антагонистичных образа – «мироеда» и «народного заступника». При этом повествователь не только описывает внешний вид героев (как это было в предыдущих произведениях Наумова), но и акцентирует внимание на их биографии, характере и даже их мыслях, мотивах и намерениях. Чтобы образы были более выпуклыми и отвечали авторской прагматической задаче, повествователь наделяется не только умением видеть и описывать мир в подробностях, но и оценочной функцией. Таким образом, автор утверждает в сознании читателя «готовый», идеологически выдержанный образ персонажа.

Например, в «Деревенском торгаше» знакомство с Прохором Игнатьевичем Белкиным не ограничивается его краткой биографией. После нескольких красноречивых сцен, где торгаш фактически обирает крестьян, задешево скупая их урожай и имущество, повествователь резю-

мирует показанное ранее и своими словами рисует нравственный портрет героя, не давая при этом читателю новой фактической информации, а только расставляя для читателя нужные ему акценты, управляя его восприятием и в конечном итоге формируя его культуру чтения [19. С. 59–60]. Подобную оценку встречаем в очерке «Юровая», при знакомстве с купцом Петром Матвеевичем [Там же. С. 77–79].

В «Крестьянских выборах» повествователь знакомит читателя с двумя категориями кулаков – «сытыми и голодными», или «нажившимися и наживающимися» [Там же. С. 219–220]. Первая категория представлена Данилой Ираклиевичем Бессомыкиным, чей небольшой ум компенсируется большим самолюбием. Вторая в лице «хитрого и проницательного» кулака Трофима Кирилловича Шебалина, а также его компаньонов – Макара Васильевича Вешнякова, Анфиногена Борисовича Пруткова и Амвросия Николаевича Иволгина, стремится выбиться в люди за счет своего влиятельного и успешного «партнера». В «Мирском учете» угнетателем крестьянства выступает заседатель Николай Семенович Харламов. И в этот раз читателю наглядно демонстрируют его становление, вернее, становление его капитала, недвусмысленно рисуя его «нравственный» портрет. Подобным образом изображен управляющий прииска Василий Никитич Кудряшев в очерке «Еж», отличающийся своей жестокостью по отношению к рабочим.

Не менее выпукло представлен образ народного заступника. Примечательно, что этот образ, пожалуй, еще более, чем его антипод, типизируется, так что повествователь раз за разом акцентирует внимание читателя на одних и тех же качествах: «Они хорошо, например, сознают истину, что плетью обуха не перешибешь, и все-таки бьют по обуху, не замечая, что наносимые ими удары, в силу отражения, падают на них же с двойною силою. Но таково свойство их души! Они всецело отдаются своему делу, не останавливаясь ни перед чем и не щадя себя; в них много неискоренимой веры в правду, и они доискиваются ее всеми путями; они не знакомы с разочарованием, хотя жизнь на каждом шагу наталкивает их на него, и когда перед ними закрываются все пути, ведущие к их цели, они пробивают новые и все-таки идут к ней, пока не падут под бременем неравной борьбы» [Там же. С. 203–204]. Такими предстают перед читателем Иван Калинин в очерке «Юровая», Егор Бычков в «Крестьянских выборах», Данила Карпов в «Еже» и Максим Арефьич в «Мирском учете».

В результате наряду с демонизацией коллективного образа мироеда, представленного купцами, кулаками и чиновниками, происходит идеализация заступников из числа простых крестьян. Антагонисты, какими создает их автор, различаются не только внутренними качествами, но и внешне. Если первые имеют неказистое телосложение (часто отмечается их полнота), внимание читателей обращается на их маленькие, хитрые глаза, то вторые выделяются из общей массы своим ростом, физической силой и красивыми чертами лица – и это несмотря на довольно почтенный возраст, что также не раз отмечает повествователь.

Схематизация используется как прием и при создании образа крестьянина, деревенского мужика. В частности, это выражается в речи крестьян, которая перенасыщена пословицами, поговорками и прочими крылатыми выражениями, очевидно маркируя социальное положение героя, а заодно и его тип. «Измыслив», по словам Г.Н. Потанина, мужицкий жаргон, Наумов акцентирует внимание на ключевых, по его мнению, чертах крестьянской массы – многовековой житейской мудрости, живом уме, неприменном юморе и в то же время дремучем невежестве и закостенелости.

В итоге достоверность образов Наумова, которую отмечали современники, заключается не в изображении реальных людей со всей их внутренней противоречивостью, а в конструировании тех образов, которые в целом соответствовали представлениям читательской аудитории и отражали типичный, с точки зрения автора, характер отношений в сибирской деревне. В связи с этим следует обратить внимание на то, что характеры героев не получают никакого развития, а в готовом виде, без особых изменений, «перетекают» из одного произведения в другое. В этом плане нельзя вполне согласиться с утверждением Н.Н. Прозорова о динамичности наумовского образа кулака [16. С. 131]. В произведениях Наумова действительно представлены различные категории народных угнетателей на разных этапах их обогащения. Когда эти категории встречаются в одном очерке (например, в «Крестьянских выборах»), то мы и вправду наблюдаем некоторый контраст в их характерах. Тем не менее об их эволюции говорить не приходится, так что образ крупного купца Петра Матвейча из очерка «Юровая», практически, совпадает с образом торгаша Прохора Игнатьевича.

В свою очередь, это обуславливает трансформацию роли диалогов в произведениях Н.И. Наумова первой половины 1870-х гг. Ввиду ска-

занного выше диалоги служат не раскрытию персонажей и даже не развитию сюжета – по большому счету, основная цель диалогов в данных очерках – прагматическая, т.е. воздействие на читателя путем изложения истории на понятном читателю языке (за ним, как уже отмечалось, следовало повторение сказанного голосом повествователя). В частности, именно речевые противостояния героев-антагонистов являются непременной кульминацией каждого очерка.

Из этого следует сюжетная повторяемость произведений Наумова данного периода. В основе каждого очерка лежит, по сути, один конфликт: народ во главе с его наиболее пассионарными представителями вступает в противоречие с разного рода угнетателями. Несмотря на изначальную сплоченность и организованность и даже кажущийся успех, открытое столкновение оборачивается неминуемым поражением, связанным с нерешительностью и необразованностью крестьянской и рабочей массы, позволившим их оппонентам силой или обманом сохранять прежние порядки. При этом движущей силой в развертывании и раскрытии этого конфликта всегда является фигура повествователя. Его настойчивое и повсеместное присутствие подавляет художественное начало и всякий диалогизм и полифонию в угоду просветительским и идеологическим задачам.

Наконец отметим еще одну особенность очерков и рассказов сборника «Сила солону ломит»: изображение сибирского хронотопа в них также подчиняется задаче сказать читателю правду. Если в «Мирных сценах...» сибирское пространство было представлено весьма абстрактно (из конкретных географических мест пару раз упомянута только река Иртыш), то уже в произведениях первой половины 1870-х гг. Наумов, как правило, довольно четко обозначает место и время действия. Так, в «Деревенском торгаше» действие происходит в селе Локти, куда главный герой – торгаш Прохор Игнатьич Белкин переехал из города Кузнецка, где, напомним, нес службу Наумов. Также упоминается город Томск, где Белкин перепродавал скупленный в Локтях товар. Весьма примечательно, что действие происходит накануне праздника – Спаса, когда крестьяне «из нужды в деньгах ради праздника» активно продают свое имущество [19. С. 40]. Действие очерка «Юровая» происходит в селе Юрьево Тобольской губернии (еще одно место службы Н.И. Наумова в период 1864–1868 гг.), лежащем на берегу Иртыша, куда каждую зиму съезжаются крестьяне окрестных сел и

деревень на сезонный заработок. События «Крестьянских выборов» разворачиваются в нескольких населенных пунктах, в том числе в деревне Бурановой Алтайского горного округа, а «Мирского учета» – в селе Боготол Боготольской волости Мариинского уезда. Место действия очерка «Еж» – «Г-ий прииск».

Как видим, локации событий, изображенных в указанных произведениях, определялись не просто реальной географией, но географией государственной службы Наумова.

Итак, если цикл «Мирные сцены военного быта» был для Наумова (в связи с вхождением его в литературное поле) лабораторией повествовательных форм, произведения, вошедшие в цикл, отличались относительным разнообразием сюжетов и образов, то сочинения 1870-х гг., помимо общей «крестьянской» тематики, получают четко выдержанную структуру и систему образов, единый набор приемов. В них явно прослеживается сюжетная схематизация и поляризация образов, на первый план выходит авторская позиция. При этом каждое произведение сборника является своего рода «сценой», что отражено в заголовках более поздних изданий, подчеркивая заданность действия, его участников, места и времени, конфликта и его развязки.

Заключая анализ первого сборника Н.И. Наумова «Сила солому ломит», следует отметить, что его особенности обусловлены основными тенденциями народнической идеологии и народнической беллетристики наряду с теми задачами, которые пытался решить Наумов в ходе своей институциональной деятельности. Его творчество первой половины 1870-х гг., используемое чайковцами как рупор их идеологии, было направлено на удовлетворение запросов массового читателя и одновременно на создание своего «идеального» читателя, чего, в частности, добивались от Наумова деятели областничества. Повсеместное присутствие автора, подавляющее художественное начало, диалогизм и полифония повествования были для Наумова средством формирования читательской рецепции, причем речь идет именно о читателе из народа и из Сибири в первую очередь. С другой стороны, документализм очерков Наумова обусловлен не только тенденциями, связанными с расцветом реализма и поисками средств передачи в художественном произведении правды жизни, но и предшествовавшей государственной службой писателя, давшей ему богатый фактический материал и повлиявшей на характер его представления в литературе.

Такое взаимовлияние во многом обеспечивалось тем, что в рассматриваемый период Наумов занимал гомологичные позиции в различных социальных полях.

Литература

1. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения : в 5 т. / АН СССР, Ин-т философии ; вступит. ст. В. Щербины. М. : Соцэкгиз, 1958. Т. 5. 904 с.
2. Кожевников С.Е. Литературное наследство Наумова // Собрание сочинений. 1939. Т. 1. С. 3–31.
3. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н.И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень, 1961. С. 3–30.
4. Стаселько К.И. Социология литературы Пьера Бурдьё // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 260–261.
5. История русской литературы : в 4 т. Т. 3. Расцвет реализма / АН СССР, Ин-т русской литературы ; ред. Ф.Я. Прийма, Н.И. Пруцков. Л. : Наука, 1982. 875 с.
6. Рейтблаг А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
7. Sapiro G. Autonomy revisited: the question of mediations and it's methodological implications // Paragraph. 2012. Vol. 35, № 1. P. 30–48.
8. Литературное наследство Сибири : в 7 т. / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. 344 с.
9. Шиловский В.М. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сова, 2008. 270 с.
10. Ядринцев М.Н. Письма к Г.Н. Потанину. Красноярск : Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1918. Вып. 1. 232 с.
11. Письма Г.Н. Потанина. / Сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Т. 1. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 280 с.
12. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 40–58.
13. Кожевников С.Е. Николай Иванович Наумов: очерк о жизни и творчестве. Новосибирск : Обл. изд-во, 1952. 95 с.
14. Синегуб С.С. Записки чайковца / предисл. И. Гладнева ; под ред. П. Анатольева и В. Невского. М. ; Л. : Молодая гвардия, 1929. 341 с.
15. Из секретного циркуляра 3 отделения е. и. в. канцелярии начальника губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог об изъятии из обращения произведений писателя Н.И. Наумова, 20 марта 1875 года // Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966. С. 342.
16. Прозоров Н.Н. Н.И. Наумов в 60–70-е годы [XIX в.] // Ученые записки Енисейского педагогического института. 1960. Вып. 4. С. 89–154.
17. Наумов Н.И. Копия договора о продаже купцу Плотникову Константину Николаевичу своих сочинений... // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. 1 л.

18. Колганова А.А. Роль заглавия в формировании читательского интереса (в русской литературе XIX века) // Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / Гос. б-ка им. Ленина ; сост. А.И. Рейтблат. М., 1991. С. 43–55.

19. Наумов Н.И. Сила солому ломит: рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Тип. К.Н. Плотникова, 1874. 417 с.

20. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 2 т. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1897.

21. Наумов Н.И. Собрание сочинений : в 3 т. / вступ. ст. и коммент. С.Е. Кожевникова. Новосибирск : Новосиб. обл. гос. изд-во, 1939–1940.

22. Кленова Ю.В. Классика, беллетристика, массовая литература: проблема границы // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–3. С. 687–693.

23. Чернец А.В. «Адресат» и «реальный читатель» в литературоведческом исследовании (на материале исследований чтения в России во второй половине XIX в.) // Чтение в дореволюционной России : сб. науч. тр. / сост. А.И. Рейтблат. М., 1991. С. 5–24.

Essays and Short Stories From Nikolai Naumov's Collection *Strength Breaks the Straw* in the Context of the Tchaikovsky Ideas

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2020, 23, pp. 22–42

DOI: 10.17223/23062061/23/2

Vladislav A. Przhigotskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: hoald@mail.ru

Keywords: Nikolai Naumov, collection *Strength Breaks the Straw*, Siberian writer and official, populism, social field.

The study is carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The collection *Strength Breaks the Straw*, published in St. Petersburg in 1874 by the Circle of Tchaikovsky, marked the heyday of the literary work of Nikolai Ivanovich Naumov, a Siberian writer and official. The works of this collection were originally published in leading democratic journals of this period and later entered the pantheon of populist fiction and won the attention of many contemporaries and researchers in the future. A relevant aspect in the study of Naumov's creative heritage of the first half of the 1870s, i.e. the mentioned collection, is the understanding of the mutual influence of the various social fields he was engaged in during these years sequentially or in parallel and, accordingly, of his various institutional activities closely connected with literary ones, in particular, with the aesthetics and poetics of the collection. The article explores the mechanisms of influence of these various social fields on Naumov's literary activities during this period. It reveals the poetic and aesthetic features of the works of the collection caused by the historical and literary trends, by the ideological influence of populism, and by Naumov's own tasks as a Siberian writer and official. The analysis showed that the features of the works are caused not only by the main trends of populist ideology and fiction, but also by the tasks that Naumov tried to solve in the course of his institutional

activities. His works of the first half of the 1870s, which the Tchaikovsky used to spread their ideology, aimed at satisfying the demands of the mass reader and also at creating his “ideal” reader, which regionalists sought from Naumov. The exceptional documentary nature creating a “reality effect” and directly related to the author’s ubiquitous voice permeating the structure of each essay was a means for Naumov to form the reader’s reception, primarily that of a reader from people and from Siberia. On the other hand, the documentary nature of Naumov’s essays is caused not only by the trends associated with the flourishing of realism and the search for means of transmission of the truth of life in fiction, but also by the writer’s previous public service, which provided him with rich factual material and influenced the nature of its presentation in literature. This mutual influence was largely supported by the fact that, in the considered period, Naumov occupied homologous positions in various social fields.

References

1. Plekhanov, G.V. (1958) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t.* [Selected Philosophical Essays: In 5 volumes]. Vol. 5. Moscow: Sotsekgiz.
2. Kozhevnikov, S.E. (1939) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 3–31.
3. Bespalova, L.G. (1961) Rabochie Sibiri v tvorchestve N.I. Naumova [Workers of Siberia in the Work of N.I. Naumov]. In: *Sibir' v khudozhestvennoy literature* [Siberia in Fiction]. Tyumen: [s.n.]. pp. 3–30.
4. Staselko, K.I. (2017) Sociology of Literature by Pierre Bourdieu. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 8. pp. 260–261. (In Russian).
5. Priyma, F.Ya. & Prutskov, N.I. (eds) (1982) *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: In 4 Volumes]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
6. Reytblat, A.I. (2009) *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Sapiro, G. (2012) Autonomy revisited: the question of mediations and its methodological implications. *Paragaph*. 35(1). pp. 30–48.
8. Yanovsky, N.N. (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 7 t.* [Literary Heritage of Siberia: In 7 volumes]. Vol. 7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Shilovsky, V.M. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in the social and political life of the region in the second half of the 19th – the first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Sova.
10. Yadrintsev, M.N. (1918) *Pis'ma k G.N. Potaninu* [Letters to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk: Tipografiya Enis. Gub. Soyuzo Kooperativov.
11. Grumm-Grzhimaylo, A.G., Koval, S.F., Koshelev, Ya.R. & Yanovskiy, N.N. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters from G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Bourdieu, P. (1998) *Struktura, gabbitus, praktika* [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(2). pp. 40–58.

13. Kozhevnikov, S.E. (1952) *Nikolay Ivanovich Naumov: ocherk o zhizni i tvorchestve* [Nikolai Ivanovich Naumov: an essay on life and work]. Novosibirsk: Obl. izd-vo.

14. Sinegub, S.S. (1929) *Zapiski chaykovtsa* [Chaikovets' notes]. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya.

15. The Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (1966) *Iz sekretnogo tsirkulyara 3 otdeleniya e. i. v. kantselyarii nachal'nikam gubernskikh zhandarmskikh upravleniy i zhandarmskikh politseyskikh upravleniy zheleznykh dorog ob iz'yatii iz obrashcheniya proizvedeniy pisatelya N.I. Naumova, 20 marta 1875 goda* [From the secret circular of the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery to the chiefs of the provincial gendarme offices and gendarme police departments of the railways on withdrawal N.I. Naumov's works, March 20, 1875]. In: Kopylov, D.I. (ed.) *Nash kray v dokumentakh i illyustratsiyakh* [Our Land in Documents and Illustrations]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo.

16. Prozorov, N.N. (1960) N.I. Naumov v 60-70-e gody [XIX v.] [N.I. Naumov in the 60-70s [19th century]]. *Uchen. zap. Eniseyskogo ped. in-ta*. 4. pp. 89–154.

17. Naumov, N.I. (n.d.) *Kopiya dogovora o prodazhe kuptsu Plotnikovu Konstantinu Nikolaevichu svoikh sochineniy ...* [A copy of the agreement on the sale of works to merchant Plotnikov Konstantin Nikolaevich ...]. Department of Rare Books and Manuscripts o, Research Library of Tomsk State University. Fund 2. List 1. File 53.

18. Kolganova, A.A. (1991) Rol' zaglaviya v formirovani chitatel'skogo interesa (v russkoy literature XIX veka) [The role of the title in the reader's interest formation (in Russian literature of the 19th century)]. In: Reytblat, A.I. (ed.) *Chtenie v dorevolutsionnoy Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia]. Moscow: USSR State Library. pp. 43–55.

19. Naumov, N.I. (1874) *Sila solomu lomit: rasskazy iz byta sibirskikh krest'yan* [Power breaks the straw: stories from the life of Siberian peasants]. St. Petersburg: K.N. Plotnikov.

20. Naumov, N.I. (1897) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 volumes]. St. Petersburg: O.N. Popova.

21. Naumov, N.I. (1939–1940) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works in 3 vols]. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

22. Klenova, Yu.V. (2015) Klassika, belletristika, massovaya literatura: problema granitsy [Classics, fiction, mass literature: the problem of demarkation]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 1–3. pp. 687–693.

23. Chernets, A.V. (1991) “Adresat” i “real'nyy chitatel'” v literaturovedcheskom issledovanii (na materiale issledovaniy chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v.) [“Addressee” and “real reader” in literary research (based on research on reading in Russia in the second half of the 19th century)]. In: Reytblat, A.I. (ed.) *Chtenie v dorevolutsionnoy Rossii* [Reading in pre-revolutionary Russia]. Moscow: USSR State Library. pp. 5–24.